

ОДА ДЕМИФОЛОГИЗОВАННОМУ ЭКСПЕРИМЕНТУ

М.В. ИВАНОВ

Иванов Михаил Васильевич — заведующий кафедрой Петербургского государственного университета путей сообщения, доктор филологических наук, профессор.

Направления деятельности, профессиональные интересы: психология искусства, филология, культурология. Автор более 70 публикаций, в том числе «Судьба русского сентиментализма» (1996), «Конфликтология» (в соавт., 2000).

Резюме

Статья В.М. Аллахвердова позволяет найти путь к преодолению кризиса в психологии на основе более четких методологических принципов. Важнейшим моментом концепции Аллахвердова является установление правил по экспликации объективной и субъективной сторон процесса и результата конкретного научного исследования.

Позиция В.М. Аллахвердова мне представляется не просто привлекательной, но принципиальной и мужественной. Будучи психологом-теоретиком и экспериментатором, он постоянно демонстрирует необходимость анализа психологических проблем с «методологической вершины».

Кризис психологии (и не только ее) в современных условиях разворачивается на широком научном поле, превращающемся в зыбкое болото, заросшее самыми разнообразными сорняками, от которых в глазах пестрит. Во-первых, уравнены в правах все подходы к психологии, что грозит уничтожением ее как науки, имеющей свою парадигму. Пустое

философствование, откровенный мистицизм, произвольно самовыражающийся интуитивизм, психологоподобное богословие претендуют на получение своего пая в образовавшемся акционерном обществе под названием «Психологическая наука», коль скоро последовательно рациональный и безличный (объективный) подход к психическим проблемам дал сбой. Во-вторых, пропагандируется обаяние экспериментирования «впрок», когда проводятся прикладные и точно измеряемые исследования частных случаев в надежде, что в них обнаружатся не только новые феномены, но и источник теоретических прозрений. Действительно, вал эмпирических данных вызывает

в памяти призывы Паниковского пилить чугунную гирию дальше, чтобы добраться до золота, которого в ней нет.

Признать неустрашимость субъекта в экспериментальной ситуации — это значит ответить на оба вызова. По отношению к интуитивизму введение статуса субъекта научного исследования означает размежевание с произвольностью. Да, ученый декларирует свои (именно свои, личные!) цели, говорит об ожидаемом результате, четко различает стадии формирования гипотезы и ее обоснования. По отношению же к экспериментированию ради экспериментирования субъективизм ученого выступает как критика «научного фельдшеризма» (термин Л.С. Выготского) в его бедности смыслом. Чтобы стать достоянием науки, деятельность экспериментатора сперва должна быть частью его поиска личного профессионального смысла.

В.М. Аллахвердов давно разрабатывает теорию сознания в психологии. «Трагическую невидимость» сознания он стремится постигнуть в рамках естественнонаучного подхода, а потому предельно внимателен к эксперименту. Отрицая наивное ожидание, что эксперимент скажет сам за себя, В.М. Аллахвердов озабочен тем, как правильно «спросить» в эксперименте и как честно зафиксировать «ответ». «Технология эксперимента» сочетается с «этикой эксперимента». Процедуры должны быть не только грамотно организованы, но и включены в максимально объективно зафиксированный «субъективный контекст» исследователя. Я познающего выводится из привычной тени Мы — корпоративной скалы, символизир-

рующей коллективную ответственность за индивидуальное и часто произвольное истолкование как эксперимента, так и научной проблемы в целом.

Особенно наглядно самонадеянность эксперимента «самого по себе» показана в связи с математическими методами обработки его результатов. Самый критерий достоверности предполагает, что возможны и даже статистически вероятны случайные связи при многомерном сопоставлении многочисленных факторов. Значит, требуется обязательное включение статистически значимого «средства» в теоретический конструкт — с его дедуктивностью, «инсайтностью», априорной (для исследователя) убедительностью и прочими признаками субъективности (хотя бы в отношении выбора и генезиса).

По характеру своего научного воспитания я больше склонен ценить качественные, а не количественные определения (в обсуждении концепции В.М. Аллахвердова личный аспект допустим и по логическим основаниям — разрешено! — и по психологическим — стилистически привлекательно). Поэтому мне особенно убедительным кажется совет автора сперва использовать простые методы статистической обработки и лишь по мере необходимости «дотягивать» до значимых величин, прибегая к более сложным и тонким. И это правильно, что первые выглядят очевидными, а вторые — «свидетельством о бедности», хотя и достойной.

Мне представляется очень ценным, что В.М. Аллахвердов предлагает правила честного экспериментирования как основу научной самодисциплины (обуздывающего себя

субъективизма). Здесь проявляется не только суровость, но и милосердие. Если ученый столкнулся с неожиданным фактом, пусть так его и поименует — НФ! А вот появившись факт аномальный, исследователь задумается: стоит ли рисковать, объявляя АФ? Если осмелился и уверовал, обращайся к научному сообществу с обоюдоострой сенсацией. Ежели же бережешь нервы, то остановись и подумай, поищи теоретическое обоснование (как А.А. Ухтомский с его учением о доминанте). Но твердо знай, что это АФ, и не попирай классическую науку ногами за то, что она его не в состоянии «переварить».

В свое время В.М. Аллахвердов предложил интересный путь от субъекта к объекту в процессе объективирования знания. Принцип независимой проверяемости означает, что совпадение результатов обработки субъектом информации в разных (и независимых) каналах указывает как на реальность объекта — источника этой информации, так и на присущую ему структуру. В применении к эксперименту названный принцип означает удвоение процедуры. Если данные обрабатывались разными способами и только один из них дал статистически значимый результат, необходимо проверить неслучайность успешности этого способа расчета на новом эмпирическом материале. Очень нужное правило! В конце концов, не психология существует для защиты диссертаций, а диссертации для психологии. Результатов в этой науке меньше, чем деклараций об успехах диссертантов.

В тексте В.М. Аллахвердова мне один фрагмент показался неясным, один сомнительным, а один утопичским.

Неясный фрагмент. «Правила (игры – М.И.) работают по-разному в зависимости от того, какую цель преследует ученый: стремится ли он к постижению Истины, или хочет понять смысл обнаруженных явлений, или ему достаточно описать алгоритм достижения определенного эффекта». Последний из трех критериев ясен: работает технология, хотя суть процесса загадочна. Но как различить «постижение Истины» и «понимание смысла»? В чем здесь проявляется градация?

Сомнительным мне представляется отношение к классификациям как внетеоретическому методу. Как-то не верится, что системы Линнея и Менделеева сугубо дидактичны. В гуманитарных науках классификации все-таки созданы теоретиками. А в чем здесь специфика психологии?

Утопичным мне видится утверждение, что «автор, сделав в тексте описание непосредственно наблюдаемого явления, должен специально проверить, не внес ли он в это описание заметных искажений в сторону удовлетворяющей его интерпретации». Видимо, В.М. Аллахвердов имеет в виду эффект, который хорошо описал Н.В. Гоголь в «Повести о том, как Иван Иванович поссорился с Иваном Никифоровичем». В ней один из героев, желая в юридическом документе перетянуть судью на свою сторону, так ввел в текст концептуальный (оценочный) момент: «Оный дворянин (и притом гнусного вида)...» Но в современной теории текста описание чаще всего трактуется не как воспроизведение действительности, а как ее словесное конструирование (как минимум, отбор фактов, закодированных в дискретных знаках).

В данном случае рискну дополнить текст В.М. Аллахвердова его же убедительным замечанием, которое слышал не один раз: слишком подробное описание эксперимента, обставленного многими условиями, делает его мелким, ситуативным, замкнутым в самом себе. Мне кажется, более убедительным было бы расширение принципа независимой (т. е. двойной) про-

верки до принципа двойного описания: предложение двух синонимичных текстов, имеющих разную словесную выраженность и направленных на выявление одного фактического ядра.

Стоит сказать: когда читаешь такой манифест, то, даже не будучи экспериментатором, хочешь провести эксперимент. И обсудить: все ли правильно?